

19 века иммигранты, не знавшие французского языка (до Французской Революции таких было 50% населения) перебирались в Париж и другие города на севере. Позже была итальянская волна, бельгийская и корсиканская. Затем наступила очередь поляков, португальцев и испанцев. А в последние лет сорок это были в основном арабы и негры из стран Северной Африки и китайцы из бывших французских колоний в Индокитае. Франция – типичная многонациональная

страна, все еще живущая якобинской мечтой о единстве. Количество приверженцев католической религии неуклонно сокращается, тогда как число мусульман растет день ото дня. В результате только умозрительные рассуждения о том, как решить вопрос с девушками-мусульманками, которым непременно нужно в школе покрывать голову платком. Расисты рассматривали их желание носить хиджаб как вызов французской культуре и, если уж на то пошло, культуре христианской. Классические левые (по крайней мере, большая их часть) увидели в этом нарушение незыблемых устоев светского образования. Обе группы объединились в решении запретить хиджаб (а заодно и слишком бросающуюся в глаза христианскую и иудейскую символику). Несколько мусульманок исключили из школы. Казалось, что инцидент исчерпан. Примечательно, что в этот раз у бунта не было религиозной подоплеки. Например, не последовало никаких антисемитских высказываний. Во Франции много бедного еврейского населения, которое живет в таких же кварталах предместий, и

последние лет двадцать наблюдались мусульманско-еврейские (или даже скорее палестино-израильские) стычки. Но об этой стороне пока забыли. Беспорядки во Франции оказались спонтанным классовым протестом. И как большинство неподготовленных выступлений, оно не могло продержаться достаточно долго. Но как в случае с большинством выступлений, оно может повториться снова и возможность эта не исчезнет, пока не будут преодолены основные противоречия. А французские власти (или если уж на то пошло, власти других стран с подобными проблемами) пока не выказывают особой готовности преодолевать противоречия. Мы живем во времена разрастания противоречий, а не сглаживания. А значит, во времена нарастания - а не сглаживания - конфликтов.

Перевод Марии Десятовой
Журнал «СКЕПСИС»

<http://www.avtonom.org/index.php?nid=20>

ПОЭТЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Символисты: по обе стороны баррикад

Можете ли вы вспомнить имя хотя бы одного современного поэта откликнувшегося в своём творчестве на события политической жизни? Я, честно говоря, тоже не могу. Ибо большинство современных поэтов либо предпочитают не писать на злободневные темы, либо не известны широкой общественности, которая, похоже и сама-то не хочет интересоваться современной поэзией.¹

¹ К сожалению, россияне плохо знают даже такую сферу своей собственной культуры, как русский рок.

Поэтому речь в этой статье пойдет о событиях столетней давности и о том, как тогдашние поэты отреагировали на революцию 1905 года.

Вот уже почти 20 лет литературоведы и преподаватели литературы любят вспоминать о таком явлении, как «Серебряный век» русской поэзии.

Замечу, что в 60-е гг. 20-го века в советском литературоведении «серебряным веком» называли совершенно другой период – вторую половину 19-го века, эпоху Майкова, Фета, Тютчева.² Да и сейчас, нет единого мнения о том, что же считать «серебряным веком». С временными рамками всё более-менее ясно – от 1890 года (появление первых поэтов-символистов) до 1917-го. Проблемы у историков литературы возникают с самими поэтами: можно ли считать поэтами «серебряного века» футуристов? Пролетарских поэтов? Я помню, как на уроке литературы учительница доказывала нам, что кубофутуристы (Хлебников, Бурлюк, Маяковский, Каменский, Крученых) не являлись поэтами «серебряного века», так как якобы «не опирались на предшествующую культуру, призывая её разрушить». На самом деле всё было совсем не так. Они хорошо знали предшествующую им культуру (Хлебников, например, считал, что литература 18-го века интереснее современной), а призыв «сбросить Пушкина с парохода современности» был скорее саморекламой, чем призывом к действию.

Так или иначе, но к 1905 году, одно из течений, образующее «серебряный век русской поэзии» существовало. Это были символисты. Как правило, поэты были аполитичными людьми, и интересовались больше миром своих фантазий, чем окружающей действительностью. Но иногда случались резкие перемены в их жизни и творчестве.

В 1901 г., поэт-символист Константин Бальмонт, имевший репутацию безобидного чудака, писавшего вычурные стихи, становится очевидцем разгона студенческой демонстрации. Вскоре Бальмонт пишет стихотворение «Маленький султан». Несмотря на то, что царь в стихотворении назван султаном, представители власти поняли тонкий намёк. Наказание последовало незамедлительно: Бальмонту запрещают выступать с чтением стихов в столице, а потом сам поэт покидает Россию. Через три года, в разгар революции, поэт возвращается на родину и публикует сборник «Песни мстителя»³:

Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,

Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, – час расплаты ждет.
Кто начал царствовать – Ходынской,
Тот кончит – встав на эшафот.

«Наш царь», 1907.

Вновь в Россию Бальмонт вернется только в 1913 году, после амнистии. Ради объективности следует заметить, что революционером Бальмонт не был и остросоциальные стихи он писал крайне редко, эпизодически. Между 1907 и 1917 и после 1920 г., в эмиграции, Бальмонт пишет преимущественно любовную и мистическую лирику.

Иным был творческий путь других символистов.

Другой отец-основатель русского символизма, Валерий Яковлевич Брюсов, также откликнулся своими стихами на революционные потрясения. За несколько лет до революции он пишет стихотворение «Каменщик».

- Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? Кому?
-Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.
-Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?
- Верно, не ты и не брат твой богатый.
Незачем вам воровать.
- Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?
Может быть сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.
- Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нёс кирпичи!
-Эй, берегись! Под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!

В разгар революции из-под пера Брюсова выходят строки, характеризующие его отношение к своему месту в сложившейся обстановке:

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.
Но чуть слышал я заветный зов трубы
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я – отзыв вам кричу, я – песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.
Кинжал поэзии! Кровавых молний свет,